

Законодательством Республики Беларусь к адвокатам предъявляются достаточно жесткие требования и замена адвоката искусственным интеллектом (роботом, человекоподобным роботом) невозможна.

Кроме того, вызывают сомнения правомерность и этичность использования терминов ИИ-адвокат, робот-адвокат и аналогичных других.

В 2023 году впервые в истории планировалось выступление робота-адвоката DoNotPay в США. Однако, сопротивление юридического сообщества не позволило этим планам осуществиться. Роботу-адвокату DoNotPay не суждено было выиграть дело в суде, так как он даже не был туда допущен. Не менее значимым результатом этой истории является осознание законодательных и этических проблем использования ИИ в правосудии и адвокатской практике.

Таким образом, ИИ является мощным инструментом повышения эффективности адвокатской деятельности при условии соблюдения этических норм. Очевидно, что в ближайшее время ИИ будет интегрирован в повседневную адвокатскую практику, помогая автоматизировать рутинные задачи и поддерживать принятие решений. Полагаем необходимым включение положений об использовании ИИ в адвокатской деятельности в Правила профессиональной этики адвоката.

Список использованных источников:

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W22238791> (дата обращения: 01.04.2026).

2. ИИ помощник для юристов и юридических фирм. – URL: <https://lawgpt.ru/> (дата обращения: 05.04.2026).

3. Правила профессиональной этики адвоката: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 30 сент. 2021 № 180// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22137239> (дата обращения: 01.04.2026).

ФАКТОРЫ РОСТА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ НА ФОНЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Селезнёв А.В.,

доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент

Стрельникова А.А.,

студент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета

По данным ГИАЦ МВД России, доля женщин среди лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выросла с 18,7% в 2022 году до 27,3% в 2025 году. Речь идет

не просто о количественном росте. Меняется сама природа женской преступности – она становится технологичнее, организованнее, менее привязанной к физическому присутствию.

Классические исследования женской преступности в России традиционно фиксировали преобладание корыстных преступлений, совершаемых в условиях бытовой среды или на рабочем месте. Кражи в магазинах, присвоение денежных средств на работе, мошенничество в сфере социальных выплат – типичный портрет женской преступности 2010-х годов, как его описывает Малетина в одной из своих работ [1, с. 138]. Цифровизация экономики и повседневности радикально изменила эту картину.

Сейчас женщины всё активнее участвуют в дистанционных формах мошенничества: телефонное мошенничество под видом сотрудников банков и госструктур, создание фиктивных интернет-магазинов, участие в схемах «дропперства» (обналичивание похищенных средств через личные счета), работа операторами в колл-центрах мошеннических групп. По оценкам Воробьевой, изучавшей психологические аспекты киберпреступности, для женщин дистанционный характер правонарушения психологически легче – отсутствие прямого контакта с жертвой снижает моральный барьер [2, с. 64].

Первый и наиболее очевидный фактор – экономическая нестабильность 2022–2025 годов. Санкционное давление, инфляция, сокращение рабочих мест в ряде отраслей создали ситуацию, когда значительная часть женщин оказалась в положении экономической уязвимости. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения в 2022 году сократились на 1,2%, в 2023 – стабилизировались, но не восстановились до уровня 2021 года.

Женщины в России традиционно занимают менее защищенные позиции на рынке труда. Они чаще работают в сферах услуг, образования, торговли – отраслях, которые первыми испытали удар в период экономической турбулентности. Одновременно на женщинах по-прежнему лежит основная нагрузка по обеспечению семьи и воспитанию детей.

В таких условиях предложения «легкого заработка» в интернете становятся привлекательными. Как отмечает Сысоева в исследовании экономических факторов женской преступности, многие женщины втягиваются в противоправную деятельность через видимость законной подработки – размещение объявлений, работа «менеджером по продажам» в онлайн-компаниях, оформление заказов [3, с. 188]. Лишь позднее выясняется, что за этой деятельностью стоит мошенническая схема.

Цифровизация финансовых сервисов – второй важнейший фактор. К 2025 году более 80% операций с банковскими картами в России проводится онлайн. Массовый переход на дистанционное банковское обслуживание в период пандемии 2020–2021 годов создал благоприятную среду для развития финансового мошенничества. Женщины, как правило более активные пользователи социальных сетей и мессенджеров, чаще становятся как жертвами, так и – парадоксально – участницами мошеннических схем.

Схема работает примерно так. Женщина, испытывающая финансовые трудности, откликается на объявление о подработке. Ей предлагают «помочь людям получить деньги, которые не могут снять со счета» – якобы из-за блокировок или технических проблем. За каждую операцию обещают 5–10% комиссии. Фактически речь идет о выводе похищенных мошенниками средств: деньги переводятся на карту женщины-посредника, она снимает их наличными и передает курьеру, оставляя себе процент. Юридически это пособничество мошенничеству, но многие участницы не осознают противоправность своих действий – либо не хотят осознавать. Практика, однако, демонстрирует иное. По материалам более десятка уголовных дел за 2023–2025 годы, значительная часть женщин-«дропперов» прекрасно понимала суть схемы, но сознательно шла на риск ради заработка.

Необходимо отметить, что женщины втягиваются в киберпреступность иначе, чем мужчины. Если для мужчин характерен более самостоятельный поиск способов заработка в теневом секторе цифровой экономики, то женщины чаще рекрутируются через социальные связи.

Типичный сценарий выглядит так: знакомая, подруга, коллега предлагает «простую подработку в интернете». Доверие к источнику информации снижает критичность восприятия. По данным МВД России, до 40% женщин, привлеченных к ответственности за участие в мошеннических схемах, были вовлечены через личные контакты – подруг, родственников, знакомых по интернет-форумам и группам «мам в декрете» [4].

Гендерная социализация также играет роль. Согласно исследованиям Кунц, женщины в России чаще, чем мужчины, склонны доверять авторитетным фигурам и следовать указаниям «сверху» [5, с. 15]. Это эксплуатируется организаторами преступных групп: женщинам-исполнителям дается четкая инструкция, создается иллюзия легальности («мы работаем с банками», «это официальная компания»), минимизируется ощущение личной ответственности.

Еще один аспект – изменение гендерных ролей и самовосприятия женщин. Современные женщины в России более образованны, технологически грамотны и экономически активны, чем поколение их матерей. Они не склонны пассивно ждать помощи, стремятся самостоятельно решать финансовые проблемы. В условиях ограниченных легальных возможностей это стремление к самостоятельности может реализоваться в противоправных формах.

Молодые женщины 18–30 лет, напротив, активнее вовлекаются в сложные многоступенчатые схемы: работают операторами в колл-центрах (обзванивают потенциальных жертв), администраторами фиктивных интернет-магазинов, курьерами по сбору денег и банковских карт. По оценкам Коцюева, до 30% операторов в мошеннических колл-центрах, выявленных в 2023–2025 годах, составляют женщины [6, с. 152].

Для понимания мотивации важно обратиться к исследованию Филипповой, которая выделяет три профиля цифровых преступниц:

1) «вынужденная» (действует из острой нужды, рационализирует вину); 2) «наивная соучастница» (низкая правовая грамотность, доверие к псевдо-легальным атрибутам); 3) «активная участница» (осознанный выбор ради дохода, часто молодые женщины с потребительскими установками). Первые два типа чаще выступают исполнителями, а вот третий – организаторами или активными звеньями [7].

Противодействие росту женской преступности в цифровой среде требует комплексного подхода, сочетающего социально-экономические меры, правовое просвещение и технологические решения.

Комплексная профилактика женской преступности должна включать систему мероприятий, охватывающую проблему со всех сторон. Это и социально-экономическая поддержка (переобучение, помощь матерям), и таргетированное правовое просвещение в женских сообществах и соцсетях. Среди «общих» стратегий имеют место быть совершенствование банковских алгоритмов (блокировка подозрительных паттернов транзакций) и информирование клиентов, а также модерация контента в мессенджерах. Не менее важно разделение ответственности: реабилитация для «дропперов» по неосторожности и строгое наказание для организаторов.

Подводя итоги, рост женской цифровой преступности обусловлен сочетанием экономической уязвимости женщин, низкого порога входа в киберпреступность и эффективного рекрутинга через соцсети. Противодействие требует не только репрессивных мер, но и системной профилактики: экономического обеспечения, правового просвещения и технологического контроля со стороны банков и платформ.

Список использованных источников:

1. Малетина, М.А. Женская преступность: криминологическая характеристика и особенности детерминации / М.А. Малетина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 4 (32). – С. 137-140.
2. Воробьева, К.В. Некоторые детерминирующие факторы женской рецидивной преступности / К.В. Воробьева // Международный научный вестник. – 2023. – № 4. – С. 63-65.
3. Сысоева, А.С. Женская преступность в сфере экономики: современное состояние, динамика, предупреждение / А.С. Сысоева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 185-190.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт / МВД РФ. – Москва, 2026. – URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Кунц, Е.В. Женская преступность как отдельный вид общей преступности / Е.В. Кунц // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 1. – С. 14-16.
6. Коцоев, К.А. К вопросу о криминологических показателях и прогнозе женской преступности в современном обществе / К.А. Коцоев // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 3 (47). – С. 152-153.
7. Филиппова, Е.О. Предупреждение женской преступности / Е.О. Филиппова // Охрана и защита прав граждан и юридических лиц в эпоху цифровизации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию юбилею юридического факультета Оренбургского государственного университета – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2025. – С. 644-648.